

ФОРМА ХОРОШ В РАМКАХ РЕЧЕВОГО АКТА ДИРЕКТИВА

N.V. Bogdanova-Beglarian, n.bogdanova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербурга, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются неадекватные употребления формы ХОРОШ, как изолированные (*Хорош, не надо больше об этом говорить*), так и в составе конструкции <ХОРОШ + Inf!> (*Хорош болтать!*), которые реализуют в повседневном устном дискурсе речевой акт (РА) директива (просьбы, мольбы или настоятельного требования) и в таком качестве пока не замечены академической лексикографией. На примере контекстов из двух речевых корпусов (устный подкорпус Национального корпуса русского языка и корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» – ОРД) показаны все особенности таких употреблений: общая их экспрессивность, вплоть до грубости и нецензурности, использование дополнительных средств выражения данного РА (усилительные частицы (*да, ну, а ну-ка давай*)), глагольные императивы (*прекрати, перестань, успокойся, не кричи*), нейтральный синоним *хватит*, слово *всё* в той же директивной роли и под.), преобладание изолированных употреблений – на фоне конструкций, а также употреблений данной формы в квазиспонтанной (придуманной сценаристами) речи кино – на фоне реальной спонтанной речи носителей языка. Корпусные данные подкреплены в работе данными проведенного лингвистического опроса, а сделанные наблюдения и выводы могут быть полезны не только в теоретическом отношении (коллоквиалистика как теория разговорной речи и грамматика речи), но и во многих прикладных аспектах лингвистики (лингводидактика, практика перевода, автоматическая обработка естественной речи, создание/совершенствование систем искусственного интеллекта и др.).

Ключевые слова: разговорная речь, речевой корпус, речевой акт, директив, конструкция, грамматика конструкций, лингвистический опрос, коммуникативная ситуация

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта СПбГУ (проект № 124032900006-1 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Для цитирования: Богданова-Бегларян Н.В. Форма *хорош* в рамках речевого акта директива // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2025. Т. 22, № 2. С. 29–35. DOI: 10.14529/ling250203

Original article
DOI: 10.14529/ling250203

FORM *KHOROSH* WITHIN THE DIRECTIVE SPEECH ACT

N.V. Bogdanova-Beglarian, n.bogdanova@spbu.ru

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines non-adjectival usages of the form *KHOROSH*, both isolated (*Khorosh, ne nado bol'she ob etom govorit'*) and as part of the construction <*KHOROSH* + Inf!> (*Khorosh boltat'!*), which implement the directive speech act (SA) (request, plea or urgent demand) in everyday oral discourse and in this capacity not yet been noticed by academic lexicography. Using the example of contexts from two speech corpora (the oral subcorpus of the Russian National Corpus and the Russian corpus of everyday communication “One Speech Day” – ORD), all the features of such usages are shown: their general expressiveness, up to rudeness and obscenity; the use of additional means for expressing the directive SA (amplifying particles (*da, nu, a nu-ka davay*)), verbal imperatives (*prekrati, perestani, uspokoy'sya, ne krichi*), the neutral synonym *khvatit*, the word *v'syo* in the same directive role, etc.); the predominance of isolated uses compared to constructions; and the usages of this form in quasi-spontaneous (scripted) speech in films compared to real spontaneous speech of native speakers. The corpus data are supplemented by the results of the conducted linguistic survey. The obtained observations and conclusions may be useful not only in theoretical terms (colloquialisms as a theory of colloquial speech and grammar of speech), but also in many applied aspects of linguistics (applied linguistics, translation practice, natural language processing, development/improvement of artificial intelligence systems, etc.).

Keywords: colloquial speech, speech corpus, speech act, directive, construction, grammar of constructions, linguistic survey, communicative situation

Acknowledgments: The research was supported by the grant from the Saint Petersburg State University (No. 124032900006-1).

For citation: Bogdanova-Beglarian N.V. Form *KXOROSH* within the directive speech act. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2025;22(2):29–35. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling250203

Настоящая статья представляет результаты исследования одного речевого явления, достаточно частотного в устном повседневном дискурсе и знакомого всем говорящим на русском языке как родном. Без таких «точечных» (пословных) исследований функциональных единиц устной речи невозможно сложить полномасштабную картину жизни языка нашего повседневного общения, необходимость которой в самых разных аспектах трудно переоценить. Так, «вряд ли требует аргументации тот факт, что современное языкознание уже давно главным объектом своего внимания сделало живую речь человека с учетом всех его индивидуальных – социальных и психологических – особенностей, в этой речи отражающихся» [9, с. 11]. Родилось даже особое направление, изучающее эту живую речь во всех формах ее бытования – *коллоквиалистика* [12]. Уже 100 лет назад именно «живые языки (разрядка автора. – Н. Б.-Б.) во всем их разнообразии» И.А. Бодуэн де Куртенэ называл главным источником «материала как для грамматических, так и для всяких других лингвистических исследований и выводов» – «материала, данного непосредственно и доступно не только всестороннему наблюдению, но даже экспериментам» [6, с. 103]. И это вопреки тому, что примерно в то же время ученые сетовали, что «...поскольку речевая деятельность в большинстве случаев недоступна непосредственному наблюдению, лингвисту приходится считаться с писаными текстами как с единственными источниками в отношении наречий, отделенных во времени или в пространстве» [13, с. 32] (см. также [5, с. 45; 7, с. 297]). Коллоквиалистика и корпусная лингвистика дали в руки лингвистам замечательное орудие для изучения живой речи – речевые корпуса.

В нашем случае объектом «точечного» исследования стала форма ХОРОШ, способная, в числе прочего, реализовать в дискурсе речевой акт директива.

Словарные данные и источники материала

Форма ХОРОШ в русской речи всегда выступает в функции предиката, реализуя два типа значения:

- адъективное в двух разновидностях [1, с. 621]:
 - прямое (он *хорош*) (54 % употреблений в пользовательском подкорпусе),
 - переносное, энантисемическое (*О!... хорош/ подлец!*) (14 %),
- неадъективное – ‘хватит, достаточно’ (*хорош трепаться!*) [4, с. 428] (28 %).

Последнее (неадъективные употребления) и стало объектом внимания в настоящем исследовании. Такое значение формы ХОРОШ свойственно исключительно разговорной речи и, в отличие от адъективных употреблений, формирует в устном дискурсе речевой акт (РА) директива [11]. Именно такой материал привлекает внимание, в частности, с позиций грамматики конструкций (СxG) [16], так как выявляет не только изолированную форму-требование (*Хорош!* = ‘хватит’), но и конструкцию <ХОРОШ + Inf!>, которая конкретизирует, что именно надо прекратить делать собеседнику.

Предлагаемое исследование выполнено на материале двух речевых корпусов: устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [2] (основной материал, большая часть пользовательского подкорпуса) и корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) [3] (весьма незначительная часть пользовательского подкорпуса). Полученные данные проверены и подкреплены результатами проведенного лингвистического опроса.

Неадъективные употребления формы ХОРОШ: корпусные данные

Анализ корпусного материала показал, что неадъективных употреблений формы ХОРОШ в русском обиходном дискурсе менее трети (28 % пользовательского подкорпуса), фиксируются они в УП НКРЯ с середины XX века, пик их активности пришелся на первое десятилетие XXI в., и сейчас наблюдается явное снижение употребительности (см. рисунок).

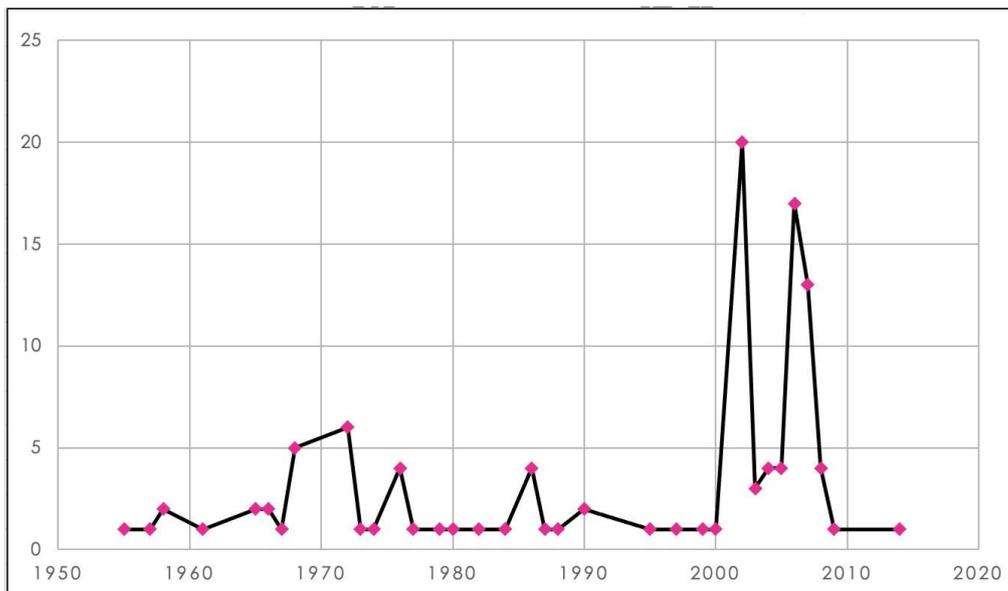
Анализ материала с убедительностью показал, что неадъективные употребления формы ХОРОШ свойственны в основном речи кино, т. е. не реальной повседневной речи носителей языка, а, скорее, представлениям сценаристов об этой речи: такие контексты составили более 83 % пользовательского подкорпуса.

Одинокое ХОРОШ в значении ‘хватит, достаточно’ выявляет это неадъективное значение только в контексте, чему часто помогают усилительные частицы, нейтральный синоним *хватит*, форма императива или слово *всё*, также формирующее РА-директив (в контекстах ниже все эти «помощники» подчеркнуты), ср.:

(1) *Левей/ левей/ левей/ стон! Ещѐ/ ещѐ! Хорош! Готовь!* [УП; Адмирал Ушаков, к/ф (1955)] (первая фиксация в корпусе);

(2) *Блин / да хорош уже / пацаны / а!* [УП; Жара, к/ф (2006)];

(3) *Саша / всѐ-всѐ-всѐ. Хорош / успокойся / Саи* [УП; День выборов, к/ф (2007)];

Распределение по годам вхождений формы ХОРОШ в неадекватном употреблении (УП НКРЯ)

(4) *Макс/ прекрати. Всё/ хороиш* [УП; День выборов, к/ф (2007)];

(5) *Так/ Лёш/ хватит/ хватит/ ну! Хороиш!* [УП; День радио, к/ф (2008)];

(6) *Всё. Я думаю / хороиш / хватит бреда... на четыре минуты* (смех) [УП; Монолог девушки (2014)] (последняя фиксация в УП);

(7) *Куда ты мне тридцать восемь ног пришел /я и так уже бегать не могу / хороиш* [ОРД].

По примерам хорошо видно, что говорящему (точнее – сценаристу, создающему эту квазиспонтанную речь¹) явно не хватает одного языкового средства, чтобы выразить свое требование: он сознательно усиливает это требование, используя порой до 4 разных средств (3).

Конструкция <ХОРОШ + Inf!> корпусные данные

Конструкция <ХОРОШ + Inf!> в роли того же РА представлена в пользовательском подкорпусе материала исследования весьма скромно (5 %), но очень разнообразно. Так, на месте инфинитива частотны эмоциональные разговорные, жаргонные, сниженные, неодобрительные, грубые и даже нецензурные глаголы (*заливать, базарить, жрать, лаяться, выпендриваться, орать, трепаться*), встречаются в этой позиции устойчивые и столь же жаргонные устойчивые словосочетания (*мокруху клеить, выуживать информацию*), в ка-

честве контекстных «соседей» используются обращения, частицы, семантически обесцвеченное личное местоимение *ты*, ср.:

(8) *А ну-ка/ ну-ка/ ну-ка/ ну-ка... Хороиш/ братишка/ есть! А ну-ка давай/ слушай/ на песочке* [УП; Ваш сын и брат, к/ф (1965)] (первая фиксация в корпусе);

(9) *Да хороиш ты жрать!* [УП; Бумер, к/ф (2002)];

(10) *Да хороиш орать уже!* [УП; Изображая жертву, к/ф (2006)];

(11) *Слушай/ давно говорю тебе/ завязывай! Хороиш думать!* [УП; Телефонный разговор (2007)];

(12) *Хороиш ораться/ ладно/ мне/ короче/ пора/ желаю удачи!* [УП; Разговор друзей (2006)];

(13) *Ну/ народу много... хотя/ его всегда много... Ладно/ хороиш трепаться / я побежала. Пока* [УП; Телефонный разговор (2006)];

(14) *Хороиш умничать. Ты же видишь в камере* [УП; Даже не думай, к/ф (2002)];

(15) *Не надо, пожалуйста// Пошлите/ Хороиш сидеть/ нечего* [УП; Разговоры в компании накануне отъезда после отдыха на острове на Волге (2002)];

(16) *ну какая тебе разница? ну хороиш уже из меня выуживать информацию!* [ОРД].

Примеры демонстрируют, что конструкция <ХОРОШ + Inf!>, в отличие от одиночной формы ХОРОШ, встречается не только в квазиспонтанной речи кино, но и в реальной спонтанной речи. При этом и ей зачастую требуются «помощники» для выражения того или иного требования.

Обнаружился в корпусном материале и интересный пример (всего 0,3 % от объема пользовательского подкорпуса), где вместо инфинитива

¹ *Речь кино*, вне всякого сомнения, отличается от живой повседневной речи, но создает иллюзию разговорности, спонтанности общения; *кинодиалогу*, по мнению исследователей, присуща некая двойственность: «он не спонтанный, но должен казаться таковым; он фиксирован, но должен казаться таким же эфемерным, как и речь, которую он имитирует» [8]. В любом случае речь кино является лишь «приближенным отображением спонтанного разговора» [14].

использовано имя существительное в В. п., а вся конструкция обозначает тот же РА-директив:

(17) *Хорош базар/ пошли лучшие пиво пить* [УП; Связь, к/ф (2006)].

Этот пример обнаружился также в квазиспонтанной речи кино, и оба выявленных варианта вполне могут быть представлены одним и тем же типом конструкции: <ХОРОШ + X!>, где в позиции переменной (слота X) может выступать и инфинитив, и имя существительное.

Лингвистический опрос: анализ данных

Неадекватные употребления формы ХОРОШ можно квалифицировать как результат процесса *грамматикализации*, в ходе которого «одно грамматическое превращается в другое грамматическое», или слово из одного грамматического класса переходит в другой класс (см. о грамматикализации подробнее [10, 15, 17–21]).

Оба варианта РА директива – ХОРОШ и <ХОРОШ + Inf!> – выступают преимущественно в негативных коммуникативных ситуациях (недовольство, раздражение, ссора, желание прекратить разговор и т. п. Для проверки вывода о том, что данные единицы больше характерны не для реальной речи, а для имитирующей ее квазиспонтанной речи кино, в ходе исследования был проведен лингвистический опрос (на платформе Google Forms)². В опросе приняли участие 70 респондентов: 16 мужчин и 54 женщины в возрасте от 18 до 65+ лет.

Респондентам были предложены 6 коммуникативных ситуаций, в которых они должны были попросить своего собеседника или человека рядом сделать или не делать чего-либо и при этом использовать *не более двух слов*.

1. Раздражение. Представьте, что находящийся рядом с вами человек делает что-то раздражающее (например, стучит пальцами по столу). Остановите его.

2. Не ври! Представьте, что ваш собеседник врет вам, и вы это знаете. Попросите его перестать это делать, выразите свое недоверие.

3. Успокойся. Представьте, что ваш собеседник сильно взволнован. Попросите его перестать нервничать, успокойте его.

4. Конец разговора. Представьте, что вы разговариваете по телефону и чувствуете, что вам пора заканчивать беседу и идти заниматься другими делами. Оповестите собеседника об этом.

5. Ссора. Представьте, что ваши друзья ссорятся и кричат друг на друга. Попросите их прекратить перепалку.

6. Шумные дети. Представьте, что ваши дети/младшие братья и сестры бегают и кричат в общественном месте, мешая другим людям. Попросите их прекратить это делать.

Результаты опроса оказались таковы. Рассмотрим все 6 ситуаций.

Ситуация 1 – Раздражение

- Наиболее частотные варианты:
 - *перестань* (35 ответов; 50 % от общего количества респондентов),
 - *прекрати* (16; 23 %),
 - *хватит* (изолированно или в составе конструкции *может, хватит?* – 10; 14 %).
- Форма ХОРОШ встретилась лишь в одном варианте: *ну харэ* (муж., 25–34).

Ситуация 2 – Не ври!

- Самые частотные варианты:
 - конструкция <*не* + [...]> (чаще всего – императив глагола) (20; 29 %),
 - *хватит* (изолированно/с «соседями» или конструкция с инфинитивом) (17; 24 %),
 - ироничное *да ладно!* (9; 13 %)
- Конструкция <ХОРОШ + Inf!> встретилась 3 раза (4 %):
 - *Хорош врать* (жен., 45–54),
 - *Хорош заливать* (муж., 35–44),
 - *Хорош п***еть* (муж., 18–24).
- Встретился и вариант с *харэ*: *харэ п***еть* (жен., 18–24).

Ситуация 3 – Успокойся

- ХОРОШ не встретилось вообще.
- Частотные ответы:
 - *успокойся* (24; 34 %),
 - *не* + [...] (18, 26 %),
 - *всё хорошо* (9; 13 %).

Ситуация 4 – Конец разговора

- ХОРОШ не встретилось вообще.
- Варианты:
 - *пора* (изолированно), *мне пора*, *пора* + инфинитив (28 суммарно; 40 %),
 - *перезвоню* (7; 10 %),
 - *пока!* (5; 7 %).

Ситуация 5 – Ссора

- Частотные варианты:
 - *хватит* (часто изолированно / с «соседями» или в составе конструкции *может, хватит?* – суммарно 15; 21 %),
 - *прекратите* (9; 13 %),
 - *перестань(те)* (8; 11 %).
- ХОРОШ – 3 нетипичных варианта, по одному ответу на каждый (3 суммарно; 4 %):
 - *харош* (изолированно и через *а* – жен., 18–24),
 - *хары ср***ся* (жен., 35–44),
 - *харе* (изолированно – жен., 25–34).

Ситуация 6 – Шумные дети

- ХОРОШ не встретилось вообще.
- Частотные варианты:
 - *тихо* (и вариации – *тише*, *потихи*; суммарно 14; 20 %),
 - *хватит* (варианты с инфинитивами, например, *ораться/беситься*, или изолированно/с «соседями» — суммарно 12; 17 %),
 - *успокойтесь* (10; 14 %).

² Опрос проведен совместно со студенткой НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) К. Спиридоновой.

Проведенный опрос позволил сделать ряд выводов.

1. Носители языка определенно предпочитают в предложенных коммуникативных ситуациях использовать более нейтральные средства выразить требование, чем ожидаемые употребления ХОРОШ и <ХОРОШ + Inf!>.

2. Форма ХОРОШ в роли РА-директива чаще употребляется в контекстах с отрицательным значением (человек злится на кого-то или показывает свое недоверие по отношению к чужим словам). В ситуации же, когда нужно кого-то успокоить или утешить, респонденты выбирали более эмпатичные и мягкие выражения, старались выразить поддержку и приободрить собеседника.

3. Преобладание одиночного ХОРОШ над конструкцией с инфинитивом можно, по всей видимости, объяснить действием *принципа экономии*, свойственного устной речи.

4. Выявился ряд вариаций формы ХОРОШ: *харэ, хары, харе, харош* – которые, во-первых, свидетельствуют о яркой разговорной специфике и данной формы, и конструкции с ней, а также, во-вторых, о несомненном действии того же *принципа экономии*.

Заключение

Словоформа ХОРОШ, ставшая объектом настоящего «точечного» исследования, во всех своих употреблениях в повседневной речи выступает как предикат. Это грамматикализованная единица,

которая функционирует в устном дискурсе чаще самостоятельно, изолированно, реже – в составе конструкции <ХОРОШ + Inf!>.

В роли РА-директива словоформа ХОРОШ активна лишь в квазиспонтанной речи кино, а конструкция <ХОРОШ + Inf!> в этой же роли малоупотребительна в любой устной речи.

Разговорные формы ХОРОШ – *харэ, хары, харе, харош* – подчеркивают экспрессивную окраску и разговорность и формы, и конструкции.

ХОРОШ в роли РА-директива чаще всего употребляется в контекстах с негативным значением: ее употребление связано с недовольством, раздражением говорящего. Экспрессивность данной единицы подтверждается также частым сочетанием формы ХОРОШ с грубой или нецензурной лексикой, а также с инфинитивами разговорных и просторечных глаголов и такими же словосочетаниями.

Рассмотрение устойчивых единиц и конструкций такого (да и любого!) типа важно в разных аспектах: как в теоретическом (выявление максимально широкого круга устойчивых единиц повседневного дискурса и описание их особенностей; построение речевого лексикона и грамматики речи), так и во всех прикладных: лингводидактика (прежде всего – преподавание русского языка как иностранного), практика перевода, автоматическая обработка речи, создание/совершенствование систем искусственного интеллекта и, вероятно, ряд других.

Список словарей и источников

1. МАС – Словарь русского языка в четырех томах. Изд. 2-е, испр. и доп. Том IV. С – Я / гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <https://ruscorpora.ru>.
3. ОРД – Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» [Электронный ресурс] // URL: <https://ord.spbu.ru>.
4. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. Т. 2. О – Я. СПб.: Златоуст, 2017. 533 с.

Список литературы

5. Бодуэн де Куртенэ И.А. О древнепольском языке до XIV столетия // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963а. С. 45–46.
6. Бодуэн де Куртенэ И.А. Языкознание // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963б. С. 96–117.
7. Бодуэн де Куртенэ И.А. Очерк истории польского языка // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963с. С. 294–310.
8. Духовная Т.В. Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурса живой речи // Вестник Майкопского гос. технол. ун-та. 2014, № 3. С. 22–25.
9. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
10. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.
11. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170–195.

-
12. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 210 с.
 13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с фр. А.М. Сухотина. М.: Соцэкгиз, 1933. 272 с.
 14. Bubel C. The Linguistic Construction of Character Relations in TV Drama: Doing Friendship in Sex and the City. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie der Philosophischen Fakultäten der Universität des Saarlandes. Saarbrücken: Universitaet des Saarlandes, 2006. 294 p.
 15. Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 420 p.
 16. Fillmore Ch.J., Kay P. Construction Grammar Course Book. Berkeley: University of California, 1992. 113 p.
 17. Heine B., Reh M. Grammaticalization and Reanalysis in African Languages. Hamburg: Helmut Buske, 1984. 308 p.
 18. Hopper P.J., Traugott E.C. Grammaticalization. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 300 p.
 19. Lehmann Ch. Thoughts on Grammaticalization: a Programmatic Sketch. Cologne: Universität zu Köln, Institut für Sprachwissenschaft, 1982. 186 p.
 20. Lehmann Ch. Thoughts on Grammaticalization. Revised and Expanded Version. 2nd ed. München: LINCOM Europa, 1995. P. 2–30.
 21. Traugott E.C. Pragmatic Strengthening and Grammaticalization // Berkeley Linguistic Society. No. 14. 1988. P. 406–416.

Dictionaries and Sources

1. MAS – Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh. Izd. 2-ye, ispr. i dop. Tom IV. S – YA. / Gl. red. A.P. Yevgen'yeva [Dictionary of the Russian language in Four Volumes. 2nd ed., corr. and add. Volume IV. S – Ya / Ed. A.P. Evgenyeva]. Moscow: Russian Language, 1984. 794 p.
2. NCRL – Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian language] [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru>.
3. ORD – Korpus russkogo yazyka povsednevnogo obshcheniya “Odin rechevoy den” [Corpus of Russian Language of Everyday Communication “One speech day”] [Electronic resource]. URL: <https://ord.spbu.ru>.
4. Khimik V.V. Tolkovyy slovar' russkoy razgovorno-obikhodnoy rechi: v 2 t. T. 2. O – Ya [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial and Everyday Speech: in 2 volumes. Vol. 2. O – Ya]. St. Petersburg: Zlatoust, 2017. 533 p.

References

5. Boduen de Curtene I.A. [About the Old Polish Language before the 14th Century]. *I.A. Boduen de Curtene. Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [I.A. Baudouin de Courtenay. Selected Works on General Linguistics], vol. I. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1963, pp. 45–46. (in Russ.)
6. Boduen de Curtene I.A. [Linguistics]. *I.A. Boduen de Curtene. Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [I.A. Baudouin de Courtenay. Selected Works on General Linguistics], vol. II. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1963, pp. 96–117. (in Russ.)
7. Boduen de Curtene I.A. [Essay on the History of the Polish Language]. *I.A. Boduen de Curtene. Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [I.A. Baudouin de Courtenay. Selected Works on General Linguistics], vol. II. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1963, pp. 294–310. (in Russ.)
8. Dukhovnaya T.V. [Film Discourse: Relationship with the Concept of Living Speech Discourse]. *Vestnik Maykopskogo gos. tekhnol. un-ta* [Bulletin of Maikop State Technological University]. 2014, no. 3, pp. 22–25. (in Russ.)
9. Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chteniye. Pereskaz. Opisaniye / Otv. red. N.V. Bogdanova-Beglarian [Speech Corpus as Material for the Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description. Ed. N.V. Bogdanova-Beglarian]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2013. 532 p.
10. Maisak T.A. Tipologiya grammatikalizatsii konstruktsiy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii [Typology of Grammaticalization of Constructions with Verbs of Motion and Verbs of Position]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2005. 480 p.
11. Searle J.R. [Classification of Illocutionary Acts]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Issue XVII. Moscow: Progress, 1986, pp. 170–195. (in Russ.)
12. Skrebnev Yu.M. *Vvedeniye v kollokvialistiku* [Introduction to Colloquialisms]. Saratov: Publishing house of Saratov University, 1985. 210 p.
13. Saussure F. de. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course of General Linguistics]. Transl. from French by A.M. Sukhotin]. Moscow: Sotsekgiz, 1933. 272 p.

14. Babel C. *The Linguistic Construction of Character Relations in TV Drama: Doing Friendship in Sex and the City*. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie der Philosophischen Fakultäten der Universität des Saarlandes. Saarbrücken: Universitaet des Saarlandes, 2006. 294 p.
15. Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 420 p.
16. Fillmore Ch.J., Kay P. *Construction Grammar Course Book*. Berkeley: University of California, 1992. 113 p.
17. Heine B., Reh M. *Grammaticalization and Reanalysis in African Languages*. Hamburg: Helmut Buske, 1984. 308 p.
18. Hopper P.J., Traugott E.C. *Grammaticalization*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 300 p.
19. Lehmann Ch. *Thoughts on Grammaticalization: a Programmatic Sketch*. Cologne: Universität zu Köln, Institut für Sprachwissenschaft, 1982. 186 p.
20. Lehmann Ch. *Thoughts on Grammaticalization. Revised and Expanded Version*. 2nd ed. München: LINCOM Europa, 1995, pp. 2–30.
21. Traugott E.C. *Pragmatic Strengthening and Grammaticalization*. Berkeley Linguistic Society. 1988. No. 14, pp. 406–416.

Информация об авторе

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; n.bogdanova@spbu.ru

Information about the author

Natalia V. Bogdanova-Beglarian, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Russian Language Department, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; n.bogdanova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 21.01.2025.

The article was submitted 21.01.2025.